

Александр Гарцев

Подкаблучник

Александр Гарцев Подкаблучник

<https://litres.ru/74055268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Читая повесть писателя Александра Гарцева "Подкаблучник". приходишь к выводу, что иногда, чтобы обрести себя, нужно потерять всё.

А чтобы вернуть любовь — перестать её требовать.

Владимир Громов — идеальный муж. Он надежен, предусмотрителен и абсолютно «скучен».

По крайней мере, так считает его жена Алина, измученная бытом и жаждущая «настоящей жизни» с её страстями, драмой и свободой.

Решив сбежать от «энергетического вампира», она оставляет его ради призрачных идеалов, меняя уютный дом на ледяной расчёт чужих мужчин и деревенскую глушь.

Александр Гарцев

Подкаблучник

Глава 1. Несущая конструкция

Пальцы Владимира Сергеевича Громова дрожали. Не мелко, не старчески, а с той противной, низкочастотной вибрацией, которая выдает предельное напряжение несущей конструкции, вот-вот готовой пойти по швам.

Он стоял у кухонного острова, держа в руке пять купюр по тысяче рублей. Пять тысяч. Последняя наличность до полочки, отложенная на бензин и мелкий ремонт протекающего крана в ванной.

Алина взяла деньги двумя пальцами. Брезгливо, быстро, словно это был не его месячный труд, а использованный носовой платок, который нужно поскорее выбросить, чтобы не мозолил глаз.

— Спасибо, — бросила она, не глядя ему в лицо, и сунула купюры в карман объемного кардигана цвета пыльной розы.

Владимир медленно сжал пустую ладонь в кулак, пряча предательскую дрожь. Он сделал глубокий вдох, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как струна настроенного рояля.

— Лин, это последние. До двадцать пятого числа. Может, возьмешь карту? Там есть немного, на продукты хватит, если не шиковать.

Алина наконец подняла на него глаза. Они были красивы-

ми, большими, но в их глубине плескалась та самая лихорадочная, неутолимая тоска, которая поселилась в ней года три назад и с тех пор только разрасталась, как плесень в сырой стене.

— Володя, ну зачем ты так напрягаешься? — её голос зазвенел фальшивой, театральной нежностью. — Ты же весь трясешься. Прямо ходуном ходишь. Это же просто деньги. Это материя. А ты делаешь из этого трагедию Шекспира. Гамлет с дрожащими руками, раздающий монеты нищим.

— Я не делаю трагедию, — тихо возразил он, чувствуя, как привычная, тошнотворная тяжесть подкатывает к горлу. — Я просто констатирую факт.

— Вот именно! Факт! — она вдруг вспыхнула, и нервная складка у её губ дернулась. — Ты живешь одними фактами, Володя. Ты как... как идеальный, но абсолютно мертвый шкаф из ИКЕА. Устойчивый. Функциональный. Безупречно собранный по инструкции. Но в тебе нет жизни! Нет огня!

Она сделала шаг к нему, и на секунду Владимиру показалось, что она сейчас коснется его щеки, как бывало в первые годы их брака. Но её рука замерла в воздухе, передумала и упала вдоль тела.

— Ты правильный, Володя. Слишком правильный. Ты не пьешь, не куришь, ты заботишься о детях, ты помнишь о моей матери в её день рождения. Ты идеальный. И ты меня душишь.

Владимир молчал. Что можно ответить человеку, кото-

рый обвиняет тебя в том, что ты не гордый? Он всю жизнь был инженером-конструктором, он знал: чтобы здание стояло, оно должно быть скучным, расчетливым и надежным. Но Алине нужны были фейерверки. Ей нужны были землетрясения.

— Я уезжаю, — внезапно тихо сказала она.

Воздух на кухне сгустился. Владимир почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику.

— Куда? К Виктории? Опять на две недели слушать её советы о том, как правильно менять мужчин, как перчатки?

— Нет. Не к Виктории. К себе. — Алина выпрямилась, и в её позе появилась наигранная, но отчаянная гордость. — Я задыхаюсь в этой стерильной клетке, Володя. В этом болоте стабильности. Мне нужно перезагрузить карму. Найти свой поток. Я чувствую, что если останусь здесь ещё на месяц, я просто исчезну. Растворюсь в этих твоих выглаженных рубашках и правильных ужинах.

Перезагрузить карму.

Владимир мысленно, с горькой, почти садистской иронией, представил, как он, седовласый прораб на стройке, подходит к нему и говорит: «Петрович, я сегодня не буду заливать фундамент. Я буду искать свой внутренний поток». И Петрович кивает: «Понял, Володь, ищи. Только каску не забудь, а то поток на голову упадет».

Но вслух он ничего не сказал. Он не стал кричать. Не стал напоминать о двадцати годах брака, о Мите, который сейчас

в общежитии и которому тоже нужна поддержка, о ипотеке, которую они гасили вместе. Он знал: любые логические доводы разобьются о её стену эмоционального хаоса, как волны о гранитную набережную.

— Надолго? — спросил он. Голос предательски не дрогнул.

— Не знаю, — она пожала плечами, и в этом жесте была вся её непостижимая, разрушительная свобода. — Пока не пойму, кто я. Может, на неделю. Может, на месяц.

Она развернулась и направилась к выходу. Её шаги по паркету были легкими, почти невесомыми. У двери она на секунду задержалась, обернулась. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость. Или на страх. Но это длилось лишь мгновение.

— Не скучай, Володь. И почини тот кран. Он капает, это действует на нервы.

Хлопок входной двери прозвучал не как финал. Он прозвучал как тяжелое, многотонное многоточие, повисшее в идеально убранной, вымытой до блеска, но вдруг ставшей ледяной прихожей.

Владимир остался один.

Он медленно разжал кулак. Посмотрел на свою ладонь. Дрожь прошла. Её сменило странное, глухое онемение, словно ему ввели местную анестезию прямо в сердце. Он подошел к окну и посмотрел вниз, на двор. Алина уже выходила из подъезда, закутанная в свой пыльно-розовый кардиган,

такая хрупкая и такая чужая. Она не оглянулась.

Владимир прижал ладонь к холодному стеклу.

— Ищи свой поток, Лин, — прошептал он в пустоту кухни. — Только не утони.

Он повернулся и пошел в ванную. Кран действительно капал. Ритмично. Назойливо. Как счетчик времени, который вдруг начал отсчитывать не минуты, а что-то совершенно иное.

Глава 2. Эхо в пустой квартире

Тишина в квартире Громовых имела вес и плотность. Она не была мирной; она была выжидающей.

Владимир провел первые два часа в состоянии, которое его внутренний инженер классифицировал бы как «аварийное техническое обслуживание». Он вынес мусор, протер кухонный остров, хотя тот и так сиял, и, наконец, добрался до ванной.

Капавший кран был идеальной мишенью. Владимир достал из ящика разводной ключ, подставил тазик и с удовлетворением ощутил, как металл поддается. Пол-оборота. Еще пол-оборота. Резиновая прокладка сжалась, и назойливый ритм, отсчитывающий время до катастрофы, прекратился.

Он вытер руки полотенцем и посмотрел на свое отражение в зеркале. Усталые глаза, морщины у переносицы, аккуратная, седеющая на висках стрижка. Человек-функция. Человек-шкаф, как выразилась Алина. Он попытался улыбнуться своему отражению, но вышла лишь гримаса, похожая

на оскал загнанного зверя.

Телефон завибрировал на столешнице, нарушив хрупкое равновесие вечера. На экране высветилось: «Лина (WhatsApp)» .

Владимир нажал на видеозвонок. Экран заполнился пестрой, перенасыщенной цветом картинкой. Алина сидела на веранде какого-то кафе. За её спиной маячили пальмы и неоновая вывеска на иврите. Тель-Авив. Она уже там.

— Володя! — её голос звучал приглушенно из-за плохой связи, но в нем уже не было вчерашней истерики. Теперь там звенела фальшивая, экзальтированная легкость. — Я на месте. Атмосфера просто... космическая. Энергетика города невероятная.

— Я рад, что ты добралась, — сказал Владимир, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Как долетела?

— Ой, не спрашивай, это было ужасное испытание для моего биополя, — она махнула рукой, отгоняя воспоминания. — Но слушай, мне нужно попросить у тебя об одолжении. Тут есть один потрясающий наставник, гуру по работе с родовыми сценариями. У меня как раз открылся запрос на проработку наших с тобой блоков. Но у него прием только за наличные, и это стоит... ну, в пересчете, около пятнадцати тысяч.

Владимир почувствовал, как знакомый холодный ком подкатывает к горлу. Пятнадцать тысяч. Это была половина его премии, которую он планировал потратить на зимнюю

резину для машины.

— Лин, — начал он, и тут же заметил, как его правая рука, лежащая на столе, начала мелко, противно вибрировать. Он сжал её в кулак под столешницей. — Мы же договаривались. Ты уехала искать себя. Я отдал последние наличные.

— Володя, ну не будь таким мелочным! — её лицо на экране исказилось, брови сошлись к переносице. — Речь идет о моей душе! О нашем будущем! Ты хочешь, чтобы я вернулась сломленной, или чтобы я исцелилась и вернулась к тебе новой? Это инвестиция в нас!

Инвестиция в нас. Эта фраза ударила его точнее, чем пощечина. Он посмотрел на её фон: бокал с чем-то ярко-оранжевым, улыбающийся официант, солнечный свет. А у него за окном уже сгущались сумерки московской осени, и в холодильнике одиноко стояла кастрюля с вчерашним супом.

Он знал, что должен сказать «нет». Где-то в глубине сознания, в том самом месте, которое еще не было задавлено двадцатью годами компромиссов, кричал маленький, злой голос: «Пусть ищет свои родовые сценарии за свой счет» .

Но привычка оказалась сильнее. Страх перед её слезами, перед звонками сестре Виктории, перед неизбежным скандалом, который разрушит и без того шаткий мир, оказался сильнее.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Номер карты тот же?

— Да, родной! Ты у меня самый лучший! — её лицо мгновенно просияло, и она послала ему воздушный поцелуй. —

Я чувствую, как твоя поддержка уже меняет мои вибрации!
Связь оборвалась.

Владимир открыл банковское приложение. Пальцы дрожали так сильно, что он дважды ошибся при вводе суммы. Он нажал «Перевести». Экран мигнул: «Операция выполнена успешно» .

Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Ему хотелось выть. Или разбить телефон об стену. Но он просто сидел, слушая, как гудит холодильник, и чувствуя себя не мужем, а банкоматом с функцией самоуничтожения.

В этот момент в прихожей щелкнул замок.

Владимир вздрогнул и быстро свернул приложение. В кухню вошел Митя. Высокий, сутулый, в черной худи и с огромными черными наушниками на шее, как современный гладиатор, не снимающий доспехи даже дома. В одной руке он держал спортивную сумку.

— Привет, Сергеич, — бросил сын, направляясь к холодильнику. Он достал бутылку воды, даже не взглянув на отца.

— Привет, Дмитрий. Ты чего не предупредил? Я бы ужин приготовил.

— Да не надо, я в общаге поел. Мать улетела, я подумал, заеду, заберу свои зимние вещи, пока ты тут один не сошел с ума от тишины.

Митя захлопнул дверцу холодильника и наконец посмотрел на отца. Его взгляд был цепким, взрослым и пугающе

проницательным. Он скользнул по лицу Владимира, по его сжатой челюсти, по руке, которая все еще лежала на столе.

— Она уже звонила? — спросил Митя. Не «мама», а «она».

Владимир промолчал. Этого было достаточно.

Митя вздохнул. Он подошел ближе, оперся руками о кухонный остров и посмотрел на отца сверху вниз. В этом жесте не было сыновней нежности, была лишь горькая, циничная констатация факта.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Сергеич? — тихо сказал Митя. — Ты думаешь, что если ты будешь достаточно удобным, достаточно терпеливым и достаточно богатым для неё, она однажды проснется и поймет, какой ты хороший.

Владимир поднял на него глаза.

— И что же, по-твоему, я должен делать? Выгнать её? Оставить без денег в чужой стране?

— Я думаю, ты должен перестать спонсировать её побег от реальности, — жестко отрезал Митя. — Она в Тель-Авиве пьет смузи за твои пятнадцать тысяч, а ты тут чинишь кран за двести рублей и трясешься как осиновый лист. Это не любовь, пап. Это соучастие в собственном уничтожении.

Слова сына ударили наотмашь. Владимир открыл рот, чтобы возразить, защитить свою позицию, свою любовь, свою жертвенность. Но слова застряли в горле. Потому что Митя был прав.

Сын посмотрел на него еще секунду, словно давая время

осознать сказанное. Затем он развернулся, взял свою сумку и направился в свою бывшую комнату.

На пороге он остановился, достал наушники и надел их на уши, полностью отрезая себя от мира, который только что попытался спасти своего отца.

— Вещи заберу через час, — донесся его приглушенный голос из коридора.

Владимир остался один на кухне. Он посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Вместо дрожи внутри разлилась тяжелая, свинцовая пустота. Он понял, что его сын, девятнадцатилетний мальчишка, только что увидел его насквозь. И, что самое страшное, ему стало его жаль.

Владимир медленно встал, подошел к раковине и включил воду. Он долго смотрел, как она ровной, бесшумной струей льется в слив. Кран больше не капал. Но эхо в квартире становилось только громче.

Глава 3. Зеркало Виктории

Поздний октябрь. Вторник, около девяти вечера. За панорамными окнами пентхауса на двадцать втором этаже бесновалась холодная, промозглая московская осень. Мелкий, колючий дождь хлестал по стеклу, срывая с голых веток стареньких тополей во дворе последние желтые листья. Ветер гудел в вентиляционных шахтах, словно пытаясь найти лазейку внутрь.

Но внутри квартиры Виктории Игоревны Соловьевой царил другая реальность. Здесь пахло дорогим сандалом, на-

гретой кожей диванов и едва уловимым ароматом выдержанного совињон блана. Теплый, приглушенный свет бра выхватывал из полумрака золотистые блики на бокалах и безупречный маникюр хозяйки. Это было царство абсолютно, выверенного комфорта, купленного за чужие, но очень большие деньги.

Алина сидела на краешке глубокого кресла, нервно теребя бахрому своего пыльно-розового кардигана. Она вернулась из Тель-Авива всего два дня назад. «Энергетика города оказалась слишком агрессивной для моего текущего состояния», — объяснила она сестре. На самом деле, гуру оказался мошенником, а деньги, переведенные Владимиром, растворились в воздухе, как и её иллюзии.

— Ты просто не понимаешь, Вика, — голос Алины дрожал, она сделала глоток вина, но оно не согревало. — Он мне перевел пятнадцать тысяч и сделал такое лицо, будто я у него отнимаю почку. Пятнадцать тысяч! За проработку родовых сценариев! Он же меня душит своей мелочностью. Он как... как старый, скрипучий комод.

Виктория лениво крутанула бокал в пальцах, наблюдая за янтарной жидкостью. Её идеальные, подтянутые черты лица выражали снисходительное участие. Она была старше Алины на четыре года, но выглядела на десять моложе, благодаря регулярным вливаниям, хорошему генетику и, главное, правильным мужчинам.

— Линочка, милая, — Виктория вздохнула, и в её голо-

се зазвенели нотки дорогой, отлакированной мудрости. — Я же тебе говорила. Володя — классический энергетический вампир. Он питается твоей жизненной силой, чтобы поддерживать свою иллюзию стабильности. Он боится твоего света, потому что на его фоне его собственная серость становится слишком заметной.

Алина всхлипнула, чувствуя, как сестрины слова, как бальзам, ложатся на её воспаленное эго.

— Но что мне делать? Я же не могу просто так взять и бросить его. А вдруг я ошибаюсь? Вдруг это просто кризис среднего возраста?

— Ошибаешься ты только в одном: ты всё ещё пытаешься его спасти, — Виктория поставила бокал на стеклянный столик с легким, уверенным стуком. — Настоящая жизнь, сестренка, там, где есть риск. Там, где горит огонь, а не тлеет уголь. Ты достойна страсти. Достойна мужчины, который будет носить тебя на руках, а не высчитывать копейки на бензин. Ты должна разорвать этот токсичный круг. Прямо сейчас.

Эти слова сработали как искра, брошенная в бочку с порохом. Внутри Алины вскипела знакомая, пьянящая смесь праведного гнева и ложной смелости. Она схватила телефон.

— Ты права. Я всё ему скажу.

Она набрала номер Владимира. Гудки шли долго. Наконец, он взял трубку.

— Да, Лин? — его голос был спокойным, слишком спо-

койным.

— Володя, я всё решила, — выпалила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо, как у героинь мелодрам, которые вот-вот хлопнут дверью. — Мы не можем так жить. Это не жизнь, это существование. Ты меня не слышишь, ты меня не чувствуешь. Я подаю на развод. Я хочу свободы! Я хочу жить!

Она замолчала, ожидая взрыва, мольб, хотя бы дрожи в его голосе. Но в трубке повисла тишина. Такая густая и спокойная, что она даже услышала, как на том конце тикают настенные часы.

— Хорошо, Алина, — наконец произнес он. Без нажима. Без эмоций. — Если ты так решила, я не буду тебя держать. Завтра съезжу к нотариусу, подготовлю документы.

Алина опешила. Сценарий рушился. Он должен был умолять! Он должен был обещать измениться!

— Ты... ты так легко с этим соглашаешься? — её голос предательски дрогнул.

— Я уважаю твой выбор, — ответил он. — Спокойной ночи.

Гудки. Короткие, равнодушные гудки.

Алина медленно опустила телефон. Внутри всё похолодело. Свобода, о которой она только что так пафосно кричала, вдруг обрела вполне конкретные, пугающие очертания. Съемная квартира. Отсутствие доходов. Зима на носу.

Она подняла глаза на сестру, ища поддержки, сочувствия,

может быть, даже предложения пожить у неё пару месяцев, пока всё утрясется.

Виктория уже наливала себе вторую порцию вина. Она поймала взгляд Алины и слегка, почти незаметно, пожалала плечами.

— Ну вот, видишь? Ты сделала первый шаг к себе, — сказала она, но в её глазах читалась холодная дистанция. — Это будет непросто, Лин. Но ты сильная. Ты справишься. Кстати, мне завтра рано вставать, у меня йога и завтрак с мужем. Он не любит, когда у нас в доме царит хаос.

Алина поняла всё. Виктории нужна была не сестра, а аудитория для её собственных теорий. Как только теория превратилась в проблему, требующую реальных ресурсов, дверь пентхауса мысленно захлопнулась перед Алиной.

Она осталась одна на краю дорогого кресла, за окном по-прежнему хлестал холодный октябрьский дождь, а в кармане у неё звенели лишь триста рублей мелочью на метро. Вселенная, как оказалось, давала очень четкие знаки. Просто она не хотела их видеть.

Глава 4. Точка невозврата

Ноябрь. Середина месяца. Поздний afternoon, когда солнце, так и не решившись пробиться сквозь свинцовые, низкие тучи, уже начинает уступать позиции ранним, промозглым сумеркам. В деревне, затерянной в ста километрах от Москвы, пахло едким березовым дымом, мерзлой землей и сыростью. Голые, черные ветви осин судорожно дергались на по-

рывах ветра, словно костлявые пальцы, царапающие серое небо.

Дом Зинаиды Петровны стоял на самом краю улицы, упираясь задним двором в начинающийся лес. Старый, крепкий, сложенный еще при советской власти из добротного бревна, сейчас он казался Алине не уютным убежищем, а холодной, враждебной крепостью. Сквозь микрощели в рамах сквозило так, что не спасал ни пыльно-розовый кардиган, ни модные, но совершенно непрактичные замшевые ботинки, которые уже безнадежно испортились о местную грязь.

Владимир услышал этот дом раньше, чем увидел. Скрип калитки, лай старой дворовой шавки и, наконец, ровный, слегка натужный гул его «Тойоты», буксующей на замерзшей колее.

Он вышел из машины, тяжело хлопнул дверцей и глубоко вдохнул ледяной воздух. Он не брился два дня. Щетина делала его лицо жестче, а темные круги под глазами придавали ему вид человека, который перестал притворяться, что всё в порядке.

Алина вышла на крыльцо, закутавшись в пуховый платок Зинаиды Петровны, который смотрелся на ней как театральный реквизит. Она попыталась изобразить на лице просветленную улыбку человека, обретшего дзен, но стучащие от холода зубы выдавали её с головой.

— Володя? Ты как здесь? — в её голосе прозвучала смесь искреннего удивления и плохо скрытой надежды. Надежды

на то, что он приехал с повинной, с деньгами и с предложением всё вернуть.

— Привет, Лин, — он подошел к крыльцу, но не стал подниматься на ступеньки, оставаясь на мерзлой земле. Это создавало необходимую, почти физическую дистанцию. — Мама сказала, что ты здесь. Решил проведать.

Из темного проема двери за спиной Алины бесшумно возникла фигура Зинаиды Петровны. Маленькая, сухенькая, в вязаной кофте. Она не сказала ни слова, лишь посмотрела на невестку взглядом, в котором читалась бесконечная, тихая жалость, а затем перевела его на сына. В этом взгляде был немой вопрос: «Ты это видишь, Вова? Ты это понимаешь?»

— Заходи, чайник как раз закипел, — наконец произнесла Алина, делая широкий, приглашающий жест. — Тут так здорово, Володя! Ты не представляешь, какая тут энергетика. Я наконец-то слышу себя. Никакого шума, никаких токсичных вибраций города. Только природа и я.

Владимир поднялся на крыльцо. Он вошел в сени, пахнущие сушеными грибами и старой древесиной, и прошел на кухню. Здесь было тепло, но бедно. На столе стояла початая бутылка дешевого вина, которую Алина, видимо, привезла с собой как символ «цивилизации», и лежала пачка сигарет, хотя она бросила курить пять лет назад.

Он сел на табурет. Его правая рука легла на край стола. Он заметил, что пальцы снова начали мелко, противно вибрировать. Не от страха. От бешеного, сдавливающего горло

гнева и осознания абсурда происходящего. Он сжал кулак, пряча руку под стол, и посмотрел на жену.

Вблизи она выглядела не как богиня, ищущая просветления, а как капризный, замерзший ребенок, который сломал дорогую игрушку и теперь не знает, что с ней делать. Её ногти были обломаны, под глазами залегли тени, а в углах губ притаилась та самая нервная складка, которую он так хорошо знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.